

Катерина Файн МУЗА

Эльвира Павловна Задвицкая была обыкновенной музой халтурщиков. Этакая «сущность по вызову» для написания газетных статей, дипломных проектов и новогодних сценариев. Последние, кстати, совершенно не выдерживали никакой критики, вследствие чего Эльвиру Павловну регулярно били, спаивали водкой и даже указывали ей на дверь. Школьники, в нелегкой борьбе за пятерки на выпускном сочинении, нередко путали музу с халявой, и несчастной Эльвире Павловне доставалось за двоих. Но вся пакость заключалась в том, что, будучи крайне консервативной, совсем не творить она уже не могла, а потому мужественно терпела побои и разные гадости со стороны многопьющей пишущей интеллигенции.

Одевалась она до того небрежно, что приличные литераторы просто отказывались от ее визитов, и только один пожилой профессор-энтомолог общался с ней по-приятельски запросто и то – из профессионального любопытства. О том, хороший ли он человек – речь вообще не шла. Достаточно сказать, что профессор был талантлив, амбициозен, одинок, а значит – циничен, близорук и ужасно многословен. Занимался он хименоптерами, и наша Эльвира Павловна со своими перепончатыми крыльями возбуждала его научный интерес больше, чем мужской.

Подобно всякой творческой личности, профессор-насекомовед часто страдал бессонницей, вероятно оттого, что любил вспоминать. Но видения его были весьма однообразны: последние сорок лет прошли в беспробудном пьянстве среди преподавателей, издателей, а так же их жен и любовниц, меняющих друг друга, как часовые на посту у мавзолея Ленина.

Вот тут-то и являлась замузганная Эльвира Павловна в бигудях и ночной сорочке, дабы развеять тоску чашечкой чая в профессорской коммуналке. Обычно она пристраивалась на краешек стола, поджав миниатюрные ножки в красных шлепках, и начинала кокетничать, пытаясь обратить внимание профессора на свои розовые пятки. Вид у нее был, прямо скажем, не аппетитный. «Муза прелестна бедностью», – любила повторять Эльвира Павловна, затягиваясь шикарнейшей сигаретой «More». «Живете не по средствам», – отвечал профессор, водружая очки с веревочкой на ученую свою переносицу.

Однажды, непьющая по собственной воле Эльвира Павловна, неожиданно проявила инициативу. Профессор был слаб к подобным вещам, и тут же на столе возникла откупоренная бутылка заграничного разлива. Эльвира Павловна – существо нежное – наклюкалась первой, и, свалившись в граненый стакан, моментально захрапела. А профессор так ничего и не понял, потому что был близорук и самодостаточен. Продолжая загул в одиночестве, он от души наполнил емкость с Эльвирой Павловной алкоголем, и выпил несчастную. Уснул профессор прямо за столом.

А на утро к нему пришел глупый аспирант, который ненавидел энтомологию в целом и перепончатокрылых в частности. На самом деле, он их просто боялся, но об этом никто не знал. И хотя в сушеном виде, прищипленные булавкой, они не вызвали его протест, в движении со звуком производили тошнотворное впечатление.

Первое, что узрел аспирант, зайдя в комнату – большой круглый стол, за которым мирно дремал объект его кандидатской, то есть муха. Правда, слегка крупноватая, и чуть напоминающая профессора. Во всяком случае, так ему показалось. И тут с аспирантом случился приступ: схватив диссертацию, он шлепнул насекомое по голове, от чего оно немедленно скончалось. А на глупого аспиранта вдруг снизошло великое откровение: он срочно переписал всю работу, а через год, защитившись, стал профессором и даже получил Нобелевскую премию.

Говорят, что после этой истории количество бездарных сочинений резко уменьшилось. Да и музы стали другими: подросли, скинули крылья и ходят теперь ногами.